

Первый день войны: ураган тревоги

22-е июня 1941 г. Раннее утро. Сквозь раскрытые окна врывается в комнату шум большого города: приглушенные трамвайные звонки, гул автомобилей, звуки радио. За окном чистое голубое небо: над молодой зеленью деревьев празднично сверкает купол Казанского собора. Струятся потоки летнего тепла.



На Невском - праздничные толпы людей. Кругом спокойно, мирно... Никто не знает еще, что сегодня на рассвете началась война, что фашистские самолеты бомбят мирные

города и села, а вражеские войска перешли границу и движутся вглубь страны.

Ничего этого не знали студенты в солнечное воскресное утро. Все мы доживали последние часы мирной жизни. Читальные залы переполнены - завтра экзамены. В рабочей комнате общежития слышали страшное слово "война". Прибежала взволнованная Лариса Бойко, позвала: "Идите быстрее в комнату! Передают важное правительственное сообщение!". По коридорам спешно разбегались студенты. Слышались возгласы: "Молотов выступает! Война!". Затаив дыхание, стояли возле черной тарелки репродуктора в комнате студенческого общежития и с огромным волнением слушали страшную весть. Говорил Молотов: "...сегодня утром немецкие войска перешли нашу границу..., фашистские самолеты без объявления вой-

ны бомбили города Киев, Минск, Брест, Одессу... Весь советский народ встанет на защиту своей Родины. Фашизм будет разбит и уничтожен. Победа будет за нами!".

Нет слов, чтобы передать охватившее всех чувство боли, волнения, ненависти к врагу. Словно невидимый ураган пронесся, сорвал и унес все дорогое, светлое и радостное из жизни. Этим светлым и дорогим, что мы потеряли, была мирная жизнь народа, страны, всех нас. Чутьем угадывали, что надвигается страшное, жестокое, беспощадное, и оно будет молотом наши судьбы и жизни...

Кончил говорить Молотов. Мертвая тишина огромного пятиэтажного здания студенческого общежития взорвалась шумом, громкими разговорами, топотом ног по коридорам и лестницам. Все спешили на Невский, чтобы подробнее узнать о последних событиях. У каждого - десятки вопросов. Невский все больше наполнялся народом. Люди останавливались, горячо и взволнованно обсуждали ошеломившее всех сообщение о вероломном нападении Гитлера. О войне. Всюду было возмущение, негодование, боль. Ненависть к фашизму переполняла Невский проспект.

23-е июня. Трудный экзамен.

Проснулись задолго до утренней передачи. Ждали сообщений с волнением и тайной надеждой: а вдруг окажется, что это не война, а пограничный конфликт? Или наша армия мощным ударом остановила и громит врага?

В 6 утра разнеслись по комнатам позывные Москвы. Последние известия тревожные: враг наступает по всей западной границе, занимает все новые территории, предстоящие экзамены

кажутся ничтожными перед грандиозностью событий.

Рано утром толпы студентов заполняли учебные корпуса. Все волновались, ожидали митингов и собраний. Про экзамены не думали. Взволнованные преподаватели собрались в деканате на совещание. Потом декан объявил, что никаких собраний не будет. Наш гражданский долг - успешно завершить учебу, сдать последние экзамены. Преподаватели заняли места в аудиториях; возле кабинета педагогики собралась наша группа. У студентов растерянные лица. Неуверенность. Все пережили сильное нервное потрясение. Из комиссии приглашают брать билет, но никто не решается быть первым. Взгляды устремляются на Катю Ефимову. Она - староста группы. Маленькая, хрупкая Катя в трудные минуты всегда выручает группу. Катя очень волнуется, но берет билет первая. Пошли отвечать Лиза Залепухина, комсорг Зоя Виноградова, другие девочки. Ах, как трудно переступить порог и взять билет! Все забылось, перепуталось..., но пересиливаю себя, вдумываюсь. Грозная Врублевская сегодня чуткая, доброжелательная: спокойно разговаривает, помогает, успокаивает. Счастливая выхожу из аудитории - четверка! Окружили девчонки, поздравляют. Стараюсь успокоить их. Вселить уверенность. Из группы трое отказались отвечать, а Лариса Бойко не явилась на экзамен. Что могло случиться? Ведь Лариса очень решительная и смелая, не должна испугаться. Нужно узнать.

Итак, сдано 5 экзаменов. Остался один, по физиологии растений. Всего 5 дней до конца учебы...

Из воспоминаний Н.К.Дятловой, выпускницы ф-та естествознания 1941 г.

Я был хранителем факультета - сторожем и деканом

Народное ополчение

В первые дни войны в институте было создано подразделение народного ополчения. В него вошли все мужчины в возрасте от юношеского до преклонного. Преподаватели, лаборанты, служащие. От профессора до дворника.

Строевую подготовку проходили в саду института. Но дальше строевой дело не пошло, т.к. часть участников были мобилизованы в армию, часть эвакуированы с институтом, часть были возвращены в подразделения МПВО.

Первая бомбежка института

Наш район часто подвергался бомбежкам и артобстрелам. Много страшных разрушений приходилось наблюдать с нашей астрономической вышки. Ночная тяжелая бомба, пробившая пять этажей и уничтожившая здание на Кирпичном переулке, дневное бомбежки госбанка, Думы, пожар Гостиного двора, ночная бомбежка и пожар "американских" гор в нардоме, артобстрел фабрики Володарского, зажигалки на Исаакиевском соборе и Астории и многое другое. Все это непосредственно не врывалось в жизнь института (правда, во время артобстрела фабрики Володарского пробило вышку в нескольких местах).

Но был один налет на территорию института темной осенней ночью (я тогда был по тревоге на вышке). Вдруг над институтом вспыхнула ослепительная осветительная ракета (стало светлее, чем днем). Ракета медленно опускалась и, достигнув земли во дворе около аспирантского общежития, долго продолжала гореть. В это же время с самолета были сброшены 2 кассеты зажигательных бомб (84 шт.). Зажигалки рассеялись по дворам и крышам института. Одна упала в нескольких метрах от вышки на крыше 2-го корпуса

и горела желтоватым пламенем. Часть попала на 5-й и 6-й корпуса, несколько штук упали в саду 5-го корпуса. Все команды немедленно мобилизовались на гашение зажигалок. Пожар был протворщен. Одну из зажигалок долго не могли обнаружить. Она застряла в чердачном перекрытии над лестницей клуба. В дальнейшем такая "специализированная" бомбежка института не повторялась, но артобстрелов было очень много. Сотни снарядов оставили следы на институтских корпусах. Особенно сильно пострадал 1-й корпус, где располагались основные помещения госпиталя, столовая, операционная и массовые палаты.

Однажды тяжелый снаряд попал в купол клуба. Я был внизу, на телефонной станции. Слышал грохот, снаряд пробил купол, упал около колонн. Но взрыва не последовало. Снаряд не взорвался, что спасло клуб от разрушения.

Мойка, 48 - без института

После эвакуации на месте института разместился госпиталь (35-1019). За институтом остались только 3-й корпус и часть 2-го, выходящая в "Мамкин сад". Уполномоченным директором института была назначена Е.Ф.Сакович. Физмат сохранил 1 штатную единицу - "хранитель факультета", которую я занимал до ухода в армию. Хранитель факультета должен был выполнять все обязанности - от сторожа до декана факультета. Наиболее трудоемкой оказалась обязанность сторожа. Институт и госпиталь подвергались систематическим артобстрелам и бомбежкам. Все стекла были выбиты. Некоторые лаборатории искорверканы. Один снаряд взорвался в радиолоборатории и вывел из строя все вакуумные установки. Попадали снаряды в 11-й и 12-й корпуса, и в др. Приходилось закрывать окна чем попало, перетаскивать в более безопасные комнаты оставшееся оборудова-



*Блокады нет...
Уже давно напрасно
Напоминает надписью стена
О том,
Что "наиболее опасна
При артобстреле эта сторона".*

*Обстрел покоя больше не нарушит,
Сирены
По ночам не голосят...
Блокады нет.
Но след блокадный
В душах -
Как тот
Неразорвавшийся снаряд.*

*Он может никогда не разорваться
О нем на время можно позабыть.
Но он в тебе.
И нет для ленинградцев
Саперов,
Чтоб снаряд тот разрядить.
Юрий Воронов*

ние, оберегать оборудование от порчи и расхищения. Источником неприятностей был коридор 2-го корпуса. Это была внутренняя магистраль, связывавшая 1-й корпус с 4-ым, где всегда перемещались больные и сотрудники госпиталя. Нередко по ночам находились любители пошарить, поискать спиртного в институтских шкафах. В тот период времени я жил в 1-й комнате нашего этажа и на стук ночью во 2-ом корпусе (на методике или бывшей 25-й) приходилось на ощупь бежать через весь коридор ловить "любителей" и отводить их к нач.госпиталя или дежурному врачу.

Много хлопот доставляли и аккумуляторы (120 в), которые нужно было заряжать при отсутствии подачи электроэнергии в 3-й корпус.

В.В.Андронников,
декан физмата в 1953-1958 гг.,
участник ВОВ,
зам. начальника штаба МПВО

На снимке: один из разрушенных корпусов института.